

Эрнст Роберт
КУРЦИУС

ЕВРОПЕЙСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА
И
ЛАТИНСКОЕ
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Том II

Перевод с немецкого
Д. С. Колчигина

Издательский Дом ЯСК
Москва 2020

УДК 82.091
ББК 83.3(0)4
К 93

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
проект № 20-112-00031, не подлежит продаже

Курциус Эрнст Роберт

К 93 Европейская литература и латинское Средневековье. Т. II / Пер., коммент.
Д. С. Колчигина. Под ред. Ф. Б. Успенского. — М.: Издательский Дом ЯСК,
2020. — 624 с. — (Studia mediaevalia.)

ISBN 978-5-907290-59-4 (т. 2)

ISBN 978-5-907290-22-8

Эта книга — главный труд немецкого филолога-романиста Эрнста Роберта Курциуса (1886–1956): книга, повлиявшая на целый ряд филологических дисциплин (включая литературоведение и среднелатинскую филологию) и получившая международное признание вскоре после первой публикации (1948). Курциус демонстрирует принципиально новый подход к вопросу об истории европейской литературы и выводит ее константы из позднеантичных риторических практик; в книге введено понятие о «латинском Средневековье» как точке тяготения всеевропейской литературной преемственности и разработано учение о топосах как «хранилищах умозаключений», на примере которых можно объективизировать и конкретизировать понятие о гуманитарной традиции.

Книга Курциуса, в которой позитивизм сочетается с интуитивизмом, а глубина изложения — с ясностью стиля, — это одновременно и энциклопедический справочник по исторической топике, и важный документ непростой эпохи, и личное высказывание о вопросах гуманизма и европейства. В настоящем издании впервые представлен русский перевод этой знаменитой книги, выполненный по второму изданию, дополненному и пересмотренному (1953), снабженный подробным научным аппаратом (это первое комментированное издание «Европейской литературы и латинского Средневековья»): книга вписана в исторический контекст, представлена общая картина ее генезиса и рецепции.

Во второй том вошли «Экскурсы», комментарии переводчика книги Д. С. Колчигина, «Хронология жизни и творчества Эрнста Роберта Курциуса» и указатели к обоим томам книги.

УДК 82.091
ББК 83.3(0)4

ISBN 978-5-907290-59-4

9 785907 290594 >

© Д. С. Колчигин (перевод на русский язык,
комментарии, научный аппарат), 2020
© С. Л. Козлов (предисловие), 2020
© О. С. Воскобойников (составление серии
«Studia mediaevalia»), 2020
© Издательский Дом ЯСК, 2020

Содержание

Экскурсы	9
I. Античность, недопонятая в Средние века	11
II. Формулы преданности и смирение	17
III. Грамматико-риторические термины как метафоры	26
IV. Шутка и серьезность в средневековой литературе	30
V. Позднеантичное литературоведение	60
VI. Раннехристианское и средневековое литературоведение	73
VII. Образ жизни средневекового поэта	104
VIII. Божественное безумие поэта	113
IX. Поэзия как увековечение	116
X. Поэзия как развлечение	120
XI. Поэзия и схоластика	123
XII. Гордость поэта	130
XIII. Краткость как стилистический идеал	133
XIV. Этимология как форма мышления	145
XV. Числовая композиция	154
XVI. Числовые афоризмы	167
XVII. Имя автора в Средние века	175
XVIII. «Система рыцарских добродетелей»	180
XIX. Обезьяна как метафора	207

XX. Культурное «отставание» Испании	211
XXI. Бог как ваятель	215
XXII. Теологическая теория искусств в испанской литературе XVII века	219
XXIII. Кальдероновская теория живописи и <i>artes liberales</i>	236
XXIV. Монтескье, Овидий и Вергилий	253
XXV. Дидро и Гораций	256
Библиографическое примечание	273
Комментарии	279
<i>Составил Д. С. Колчигин</i>	
Посвящение	281
Руководящие принципы	289
Предисловие автора ко второму изданию	297
Глава I	316
Глава II	351
Глава III	363
Глава IV	372
Глава V	381
Глава VI	398
Глава VII	408
Глава VIII	417
Глава IX	423
Глава X	430
Глава XI	436
Глава XII	440
Глава XIII	444

Глава XIV	450
Глава XV	458
Глава XVI	466
Глава XVII	478
Глава XVIII	510
Хронология жизни и творчества Эрнста Роберта Курциуса	545
<i>Составил С. А. Козлов</i>	
Именной указатель	551
Предметный и терминологический указатель	592

ЭКСКУРСЫ

I

Античность, недопонятая в Средние века

Кто видел Рим, тот помнит статую античных «конеукротителей» (Диоскуров) у Квиринала, который до сих пор в их честь называют Монте-Кавалло. Адольф Гольдшмидт рассказывает, что говорилось об этой статуе в «*Mirabilia Romae*», путеводителе по Риму XII века: «Мраморные кони — послушайте же, почему их изобразили голыми (т. е. не взнузданными), равно как и людей: что это означает? — Во времена императора Тиберия в Рим пришли два юных философа, Пракситель и Фидий¹; император был большим знатоком науки и с радостью принял их у себя во дворце. Он спросил их: почему вы пришли обнаженными? А они ответили: потому что для нас всё обнажено и открыто, мы презираем всё мирское, ходим обнаженными и ничем не владеем; мы можем, например, в деталях рассказать тебе, император-владыка, обо всем, что ты в наше отсутствие делаешь в своих палатах днем и ночью. Император сказал: если и правда сумеете рассказать, то я дарую вам всё, чего пожелаете. Они ответили: мы попросим не золота, император-владыка, а памятника. На следующий день они поведали императору обо всем, что он делал в предшествующую ночь; а тот возвел для них обещанный памятник — такой, какого они пожелали: голые кони, бьющие в землю копытами, и полуголые люди, что стоят рядом с конями, — воздевая руки и сжимая кулаки, они предсказывают будущее; как сами они неприкрыты, так и вся мудрость мира не скрыта для их умов» (*Vorträge der Bibl. Warburg 1921–1922* (1923), 43). Еще один пример средневекового перетолкования античных монументов — описание конной статуи Марка Аврелия, что стоит на Капитолии. «Эта статуя была спасена от неминуемого уничтожения; ее покрестили во имя Константина, первого христианского императора, перестали считать непристойной и даже даровали ей почетное место перед Латеранским дворцом, который, как считается, Константин подарил папам. Фантазия римлян не дремала, и об этом всаднике возникло множество сказаний. Со временем люди

¹ В IV и V веках язычники, любившие искусство, надписывали статуи словами *opus Fidiae, opus Praxitelis* [творения Фидия, творение Праксителя], чтобы спасти монументы от христиан (Жон. ГЕФФСКЕН, *Der Ausgang des griechisch-römischen Heidentums* (1920), 181 и 306, прим. 34).

забыли, что это изображение монарха, поскольку средневековые правители непременно носили корону. По-разному объясняли и отсутствие седла — с тех пор уже появившегося, — а в орнаменте между ушами коня видели птицу, что также истолковывали различным образом. Да и само происхождение фигуры всадника требовало объяснений. Но больше всего вопросов вызывал покоренный варвар, который раньше лежал со связанными руками под передними копытами коня. Излюбленный мотив классического искусства уже казался совершенно непонятным. На все эти вопросы отвечала история о храбром Марке. Ему, как считалось, пообещали памятник, если он сумеет освободить Рим от тягелого угнетения. Ночью он выехал на неоседланном коне и по крику птицы сумел найти вражеского короля-коротышку; Марк схватил его и привез к римлянам со связанными руками. Тогда римляне изгнали оставшихся захватчиков и возвели такой памятник в честь своего спасителя, на котором отобразили все детали его храброго подвига» (рассказ Перси Эрнста Шрама в *Vorträge der Bibl. Warburg 1922–23, Erster Teil* (1924), 152, 153).

Жан Адемар (*Influences antiques dans l'art du moyen âge français* (1940), 208 и далее) приводит примеры религиозного почитания Константина в Средние века — из Гонория Августодунского (*PL* 172, 710, 711) и Адама Скотта из Премонте; последний полагал, что Константина следует изображать на церковных стенах (*PL* 198, 713). Такие изображения часто встречаются во Франции; восходят они к Латеранской статуе. Бамбергский всадник — это, судя по всему, тоже Константин². В «античных романах» (мода на которые возникла во Франции с 1150 года) тоже встречаются описания скульптур, важных для Античности *alla francese*. Ср. с Отто СÖHRING, *Werke bildender Kunst in altfranzösischen Epen*, Diss. Erlangen (1900) и с АДНÉМАР, 231.

В каролингские времена веронский амфитеатр считали лабиринтом (*Poetae*, I, 119, 3).

Иногда недопонимания происходили от простого незнания. Один англосакс VIII столетия полагал, что Венера [Venus] — мужского пола³. Есть и обратные примеры. Аристотель, по утверждению Боэция (*Consolatio philosophiae*, III, рг. 8), в некоем, ныне утраченном, трактате говорил: если бы у людей были глаза Линкея, если бы они видели сквозь стены, то даже в чудесном теле Алкивиада им открылись бы отвратительные внутренности. «Alcibiadis pulcherrimum corpus» — в Средние века решили, что речь здесь идет о какой-то прославленной красавице прошлого. О ней упоминает Вийон в своей «Ballade des dames du temps jadis»:

² Ср. с О. HARTIG, *Der Bamberger Reiter und sein Geheimnis* (1939). — Сейчас это толкование подвергают сомнению.

³ WILHELM LEVISON, *England and the Continent in the Eighth Century* (1946), 302.

Dictes moy ou, n'en quel pays,
Est Flora la belle Romaine,
Archipiada, ne Thais...

[Скажите, где, в какой стране / римская красавица Флора, / где Архипиада,
где Таис...]

Множество недопониманий происходит от испорченных рукописей. Конрад из Хирзау (*Dialogus* (SCHERPPS), 51, 3 и далее) говорит об испанском поэте Пруденции: «Traconensis fuisse dicitur; est enim Traconia quaedam regio nunc inhabitabilis a serpentibus» [его называли Траконским; Тракония — это некая земля, которую ныне заселили драконы]. Имелась в виду *Hispania Tarraconensis* [Тарраконская Испания]. Из-за описки возникла форма *Traconensis*, которая и привела Конрада к мысли о стране драконов. Приведу еще один пример недопонимания или перетолкования римского классика. В одном стихотворении из каролингских времен описана королевская охота. О дочери Карла Великого там сказано (*Poetae*, I, 372, 255):

Pallia permixtis lucent iachyntina talpis,
Clara Sophocleoque ornatur virgo coturno.

[На плаще блистают пятна из яхонтов, / и Софоклову котурну светлая дева
надела...]

Теодрада, таким образом, надевает на охоту «Софоклову котурну». Это взято из Вергилия (*Вис.* 8, 10):

Sola Sophocleo tua carmina digna coturno...

[Твои стихи одни достойны Софокловой котурны...]

Наш поэт просто не понял этой строки и, как говорится, «загнул». В «Энеиде» (VII, 698) есть слова *ibant aequati numero*, «идут мерным шагом». Автор «Вальтария» заимствует этот оборот, хотя и не понимает его. О гуннах, которые надвигаются на земли бургундов, он говорит (V, 44):

Ibant aequati numero, sed et agmine longo.

[Идут мерным шагом, но длинным строем.]

Штрекер в глоссарии поясняет, что здесь *aequati numero* «...скорее следует понимать как “равными отрядами”». В основе, вероятно, лежат слова Сервия, который поясняет этот сложный оборот как «congruenter, sicut decebat, rationabiliter» [соразмерно, как подобает, здраво]? Строки из «Энеиды» (I, 664):

Nate, meae vires, mea magna potentia solus,
Nate, patris summi qui tela Typhoia temnis...

[Сын, моя сила, мое единственное величие, / сын, презревший Тифоновские
стрелы высшего отца...]

Данте переводит следующим образом (*Conv.*, II 5, 14): «Figlio, vertù mia, figlio del sommo padre, che li dardi di Tifeo non curi» [сын, моя сила, сын высшего отца, презревший Тифоновские стрелы]. Оборот *patris summi* здесь ошибочно увязан со словом *nate*. Еще одно место из Вергилия (III, 56):

Quid non mortalia pectora cogis,
Auri sacra fames!

[На что только ты не толкаешь людские сердца, / о проклятая жажда золота!]

Данте также понимает неверно — см. *Purg.* 22, 40 — слова из «Энеиды» (IV, 169):

Ille dies primus leti primusque malorum
Causa fuit, —

[Этот день стал причиной первой гибели, первого зла]

Чосер передает так (*Legend of good women*, 305):

This was the first morwe
Of hire gladnesse, and gynning of his sowre.

[Это было и первое утро / радости, и начало его несчастий.]

Letum здесь перепутано с *laetus*. Это недопонимание возникло еще в древнеанглийском языке и сохранялось вплоть до елизаветинских времен (R. IMELMANN, *Forschungen zur altenglischen Poesie* (1920), 190).

В Средние века *ars poetica* чаще всего называли «поэтрией». Конрад из Хирсау объясняет это следующим образом (*Dialogus*, 64, 65): «Poetria vel poetrida est mulier carmini studens; quo titulo hac de causa usus putatur iste poeta, quod ipsum operis huius principium quasi mulierem superne formosam praemonstrat, per quam ipsam materiam vult intellegi, in qua vel ex qua sententiae sunt vel procedunt, quae corpus totius operis congrua rationum dispositione perficiunt» [поэтрия, или поэтрида — это женщина, научающая поэзии; сам поэт (Гораций) использовал это название скорее всего потому, что уже в самом начале своего труда он описывает красивую (в верхней части тела) женщину, под которой следует понимать саму тему трактата: в ней пребывают или из нее исходят утверждения, при соответствующем расположении составляющие всю книгу]. Из оборота *voti sententia compos* (*Ars poetica*, 76), то есть «известие о получении того,

о чем молил», Данте делает целый поэтический жанр: «sunt et alia genera narrationum poeticarum, scilicet carmen bucolicum, elegia, satira, et sententia votiva, ut etiam per Oratium patere potest in sua Poetria» [есть и другие виды поэтического повествования, а именно — буколическая песнь, элегия, сатира и посвятельная сентенция, о чем в своей «Поэтике» говорит и Гораций]. В 1869 году Узенер издал «Commenta Bernensia» к сочинениям Лукана; в предисловии (р. VII) он просил прощения: «cur non degustandum sed ingurgitandum in hac sentinam sensuerim» [в эту клоаку я включаю не что-то избранное, а совершенно всё]. Мы и сегодня должны быть благодарны ему за то, что он напечатал не только полезные примечания, но и «vilissima et ineptissima» [никчемнейшее и нелепейшее]: всё это весьма интересно при рассмотрении средневековых недопониманий. В начале поэмы Лукана содержится, как известно, величание Нерона, полное придворной лести. Поэт говорит: когда император завершит свой земной путь, то небеса с радостью примут его. Любой из богов, стоит только пожелать, передаст Нерону свои обязанности и свои регалии; Натура позволит ему самому выбрать, каким богом он хочет стать, где ему возвести свой трон. Лучше не выбирать место высоко на Севере или глубоко на Юге, чтобы свет от императора не падал на Рим наискось. Небесам будет тяжело, если правитель водворится на их своде: лучше бы ему остаться в центре мироздания, чтобы не нарушить равновесия небес. Прочитую лишь некоторые из этих строк:

53 Sed neque in arctoo sedem tibi legeris orbe
Nec polus aversi calidus qua vergitur austri,
55 Unde tuam videas obliquo sidere Romam.
Aetheris immensi partem si presseris unam,
Sentiet axis onus. Librati pondera caeli
Orbe tene medio; pars aetheris illa sereni
Tota vacet nullaeque obstent a Caesare nubes.

Комментарий к строке 53: «quoniam unum pedem grandem habuit Nero vel quoniam obesus fuit»; к строке 55: «quoniam strabus Nero fuit»; к строке 58: «adlusit ad hernia eius»; к строке 59: «ut placidus sis, sed adlusit ad colvitiem». Нерон, таким образом, — лысый и толстый, косоглазый, у него огромная нога (одна длиннее другой?), он страдает от грыжи. Как комментатор ухитрился вычитать всё это в приведенных строках — остается тайной. Тенденция, однако, очевидна: Нерон был уродлив и физически, и (здесь я дополняю мысль средневекового комментатора) нравственно: ведь он преследовал христиан. Конрад из Хирзау говорит об этом (*Dialogus*, 62): «Cum enim idem Nero, ramusculus Antichristi, strabus esset et omnibus viciis squalidus, “Romam obliquo sidere” regi poeta principem derisit, et, si ex una parte caeli tronum suum posuerit, ex altera parte caelum tantum pondus sentiens levare, quod totum propter tyranni crassitudinem et corpulentiam dixit» [ведь этот самый Нерон, отродье Антихриста, был косоглаз и грязен от всех пороков.